

**Похоронный дом
ГОСПОЖИ МЕМОРИ**

Озерная Русалка

18+

Озерная Русалка
Похоронный дом Госпожи Мемори

«Автор»

2026

Русалка О.

Похоронный дом Госпожи Мемори / О. Русалка — «Автор»,
2026

Маисса привыкла жить по законам церкви Мудрейшей из Богинь, привыкла подчиняться знаниям Жрицы и монахов. Она безропотно приняла свою участь и в городе, где во главе стоит религия, в один миг стала Нечестивой за грехи родителей. Та же участь постигла и ее младшую сестру Лину. На благо общества Маисса и Лина без устали работали в похоронном доме и обустроивали быт. Однако по мере взросления Лина стала доставлять много проблем и, похоже связалась с не самой удачной компанией. Тут еще и на работе появился новый сотрудник - заверитель смерти, и в похоронном доме стали происходить странные вещи. Или не только в доме? И вот, когда при заверителе смерти стало происходить слишком много странных событий, Маисса наконец-то решила разобраться, что же не так с этим заверителем смерти. А, может, что-то не так вовсе и не с ним.

© Русалка О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Озерная Русалка

Похоронный дом Госпожи Мемори

Пролог

Пролог

Монахиня в обсидиановой рясе со сморщенным от неприязни лицом грубо надела коричневое шерстяное платье через голову Маиссы. Торчащие ворсинки неприятно закололи кожу. Платье было не по размеру, отчего горловина опустилась слишком низко, едва прикрывая небольшую девичью грудь. Рукава же, напротив, закрыли руки до самых кончиков пальцев. Монахиня туго перетянула тонкую талию Маиссы поясом из такой же плохой шерсти, и необработанные швы впились в кожу.

— Развернись и сядь на пол! — скомандовала монахиня скрипучим голосом. — Колтуну твои чёрношющие в косынку приберу.

Девушка безропотно опустилась на колени и даже не пискнула, когда монахиня собрала её волосы в кулак и потянула назад. Маисса ждала и надеялась, что кто-нибудь из Совета откликнется на её просьбу, но прошло уже достаточно времени, а в тесную темнушку без окон, уставленную свечами, так никто и не приходил. Взгляд девушки упёрся в маленькую икону, висящую на стене. Икону с изображением богини Дары — прекрасной золотоволосой женщины с весами в руках. Маисса приставила указательный и средний пальцы к вискам и провела их к середине лба.

— Не смей молиться Мудрейшей! — пронзительно завопила монахиня и отвесила Маиссе подзатыльник.

— Да услышит меня Важнейшая из богинь, да внимлет мольбам моим мелким, обратит на меня свой взор и поможет, — всё быстрее и громче шептала Маисса.

Монахиня уже замахнулась для нового подзатыльника, как по темнушке пробежал еле заметный холодок, и раздались мерные медленные шаги.

Маисса раз за разом складывала пальцы в молитвенном жесте и не оборачивалась, пока не услышала приятный женский голос:

— Ты собиралась ударить это юное дитя, Изабелла?

— Нечестивая! Она по-прежнему молится.

Маисса слегка повернулась. Её молитвы услышаны! Это она, сама Верховная Жрица в величественном белом одеянии, с россыпью чёрных бус. Её яркие зелёные глаза еле заметно сощурились:

— О чём ты молишься, дитя?

Маисса поднялась с колен, поклонилась и ответила, не поднимая головы:

— О спасении своей младшей сестры. Ей всего двенадцать, она ещё совсем ребёнок и не заслуживает такого позора. Я прошу Богиню позволить не выходить ей к морю. Пусть только при мне казнят мать, только при мне отдадут тело отца на растерзание Безликой, пусть только мне поставят клеймо там же, у моря, прилюдно, но не ей. Она не заслужила! — Маисса сорвалась на крик и подняла взгляд на жрицу, но тут же осеклась: — Простите меня. Я не вправе о таком просить, но всё равно открыла свой поганный рот и открою ещё раз, потому что хочу, чтобы меня услышали.

Лицо монахини сморщилось ещё больше и теперь походило на пересушенную шляпку гриба, но она продолжала молча наблюдать, заламывая руки. Верховная Жрица улыбнулась, и от этой улыбки Маиссе стало спокойнее.

— Ты просишь за свою сестру, за свою родную кровь. Свод Священных Правил не требует клеймения на казни всех членов семьи, поэтому я от имени Мудрейшей из Богинь разрешаю клеймить твою сестру в церкви после церемонии.

Маисса подошла к Жрице чуть ближе, упала на колени и стала целовать край её подола. Позади злобно кряхтела монахиня.

— Изабелла, — обратилась Жрица к ней. — Иди в церковь, скажи, чтобы вторую девочку пока не готовили к обряду. К морю она не пойдет.

— Да будет так, как вы решите, — монахиня поклонилась и, кинув на валяющуюся у ног Жрицы Маиссу презрительный взгляд, удалилась.

Как только дверь захлопнулась, Жрица опустила на колени и осторожно приподняла подбородок Маиссы:

— Дитя, тебе выпала непростая судьба. Я лично рассматривала дело вашей семьи и хочу, чтобы ты знала: решение далось мне непросто. Решение о присвоении знака нечестивца всегда непростое. Я знала твоих родителей, они часто посещали нашу обитель, но все случившееся не может остаться без внимания. Ты должна принять свою роль, помнить о том, что ты по-прежнему нужна нашему городу, нашему обществу. Ты уже взрослая и, думаю, прекрасно понимаешь, что ваша мать, к огромному сожалению, практически полностью лишила вас будущего, лишила личного счастья, поэтому постарайтесь вместе с сестрой найти его в общественном деле, — она заглянула Маиссе прямо в глаза: — О, дитя, мне очень жаль. Я оставлю тебя здесь на несколько минут. Это твоё время для последней молитвы.

Жрица тепло улыбнулась, поднялась и вышла из темнушки. Маисса не хотела плакать, но слезы катились по щекам сами по себе. Она приложила указательный и средний пальцы к вискам и провела по лбу до переносицы. Это был последний её молитвенный жест, и никакими словами не хотелось сопровождать его. Дара сама все поймет.

Несмотря на закатное солнце, на улице стояла невообразимая духота, даже с моря дул еле заметный ветерок. На берегу недалеко от пристани собралась огромная толпа. Маисса шла в сопровождении четырех обсидиановых монахов, толпу она заприметила издалека. И даже думать не хотелось о том, как народ воспринимал эту казнь. Может быть, для них это торжество справедливости, может, сожаление и сочувствие, а может, и вовсе развлечение на один вечер. Конечно, там были и знакомые, соседи. Но Маисса решила, что всматриваться она не будет и отворачиваться тоже. Выдержит все с гордо поднятой головой, чего бы ей это ни стоило.

Однако достаточно было подойти поближе и увидеть родителей на пристани, как внутри все перевернулось. Мертвый отец лежал на синем покрывале в длинной голубой рубаше. По четыре стороны от него обсидиановые монахи натягивали покрывало за серебряные веревки, издали показавшиеся проволокой. Мама смотрела на море. Она была в таком же холщовом платье, как и сама Маисса, и точно слышала, как толпа загудела и двинулась ближе к пристани, как с песнопениями подошли монахи, сопровождающие её дочь, как стучали копыта лошадей, что привезли повозку с Верховной Жрицей. Она слышала все и даже не обернулась. Не обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на свою дочь.

Маиссу провели на специально подготовленное для нее место, прямо у ног отца. Следом на хлипкую деревянную пристань поднялась Верховная Жрица, и доски под ногами опасно закачались и закрипели. С приходом Жрицы Маисса перестала думать о том, что происходит за ее спиной, о чем шепчутся в толпе.

Верховная Жрица дошла до конца пристани, протянула руки вперед и громко заговорила:

— Ты добилась своего, Безликая Ведьма! Соблазнила одну из наших сестер! Ее сердце зачерствело, а разум затуманился. Она совершила грех и идет к тебе на заклятие вместе со своим грузом, со своим тяжким деянием! Прими же их! Прими и уходи от нас!

Монахи, приведшие Маиссу, продолжали петь за ее спиной. Один из них резко замолчал и прошел к матери, грубо толкнул ее в спину, и тогда она наконец обернулась и посмотрела на дочь:

— Где Лина? — одними губами спросила она.

— Я просила не вести ее сюда.

— Моя старшая благоразумная дочь, моя Май, — уже громче сказала она. — Прости меня, если сможешь. И поцелуй от меня Лину.

Монах хотел схватить маму за локоть, но она отдернула руку и прошла к синему покрывалу. Тихо запели и монахи, державшие серебряные веревки. Мама покорно легла на отца так, чтобы кончик ее носа касался кончика его холодного носа и завела руки за спину. Их обоих окутали покрывалом, связав серебряные веревки на щиколотках, и поволокли в сторону моря, где уже была причалена лодка.

Больше всего Маиссе хотелось сорваться с места и броситься к покрывалу, разорвать все эти веревки к чертям и похоронить отца как положено, а не просто кинуть в море. Но таковы законы церкви Мудрейшей из Богинь.

Маисса стояла на месте и молча наблюдала, как там, у самого моря, затянули веревки на шеях ее родителей и скинули их в лодку, как мешок с картофелем. Рядом с девушкой встал еще один монах. Он пришел, чтобы клеймить ее как дочь, отвечающую за грехи родителей, как девушку, которой после смерти суждено быть скинутой в море, как жительницу города, ставшую нечестивой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.